

Между «Пианистом» и «Списком Шиндлера» общего мало

Вчера в Москве состоялась премьера каннского и «оскарского» хита «Пианист» («Известия» писали о нем неоднократно, в том числе во вторичном номере), на которую приехал его создатель, получивший в марте «Оскар» за режиссуру, живой классик кинематографа Роман Полянский. Перед премьерой — при посредничестве программы Московского кинофестиваля «АиФория» — Полянский, автор культовых «Ребенка Розмари», «Горькой луны» и «Девятих врат», встретился с прессой и ответил на эксклюзивные вопросы «Известий».

Известия — 2003 — 7 мая — с. 14.

Мэтр подтвердил репутацию вечного плейбоя: явился на пресс-конференцию хоть в пиджаке, но в джинсах и кроссовках. Сразу сказал, что по-русски говорит «только немножко». Поскромничал. Прокатчик «Пианиста» в Восточной Европе Дино Динев (именно он приучил в свое время Россию к мыльным сериалам, привезя «Рабыню Изауру») рассказал «Известиям», что накануне за ужином Полянский наизусть читал по-русски «Евгения Онегина». Сам Полянский делом подтвердил слова Динева, в какой-то момент поправив свою русскую переводчицу, неточно изложившую его ответ.

— «Известия»: приступая к «Пианисту», пытались ли вы сделать нечто отличное от «Списка Шиндлера» Спилберга?

— В «Пианисте» и «Списке Шиндлера» общее только то, что это трагедии Холокоста. Но по су-

ти ничего похожего. «Список Шиндлера» — книга, сочиненная недавно, в которой совершена попытка реконструировать события, а «Пианист» — мемуары реального человека, написанные непосредственно после войны. Конечно, мне помогли и собственные воспоминания. Наверное, я снял этот фильм именно для того, чтобы наконец-то все это рассказать самому. Мне ведь предлагали в свое время экранизировать «Список Шиндлера». Но его действие происходит в Краковском гетто — именно там, где когда-то мальчишкой жил и я. Это было слишком близко к моему личному опыту. А я никогда не хотел делать фильмы, основанные на моей собственной жизни. Я не верю в автобиографическое кино. В случае с «Пианистом» (где в центре Варшавское гетто) я как раз мог использовать свой опыт и в то же время не говорить о себе или своих близких.

— «Известия»: некоторые российские критики обвиняют героя «Пианиста» в бездействии. Он спасает только себя, прячется от фашистов и наблюдает за происходящим, тогда как люди гибнут во время Варшавского восстания, а его семью уничтожают в лагере смерти. Как вы относитесь к периодическим звучащему мнению, что если бы евреи активнее сопротивлялись в годы войны, то жертв Холокоста могло быть меньше?

— Есть разные люди. Не каждый — герой, не каждый герой — пианист. Если говорить о сопротивлении... (Сердится и начинает заводить себя.) Помимо тех амбиций сделать этот фильм, о которых я уже сказал, мной руководило и стремление ответить на тот дурацкий вопрос, который я так часто слышу. Почему евреи не сопротивлялись? Потому что в жизни не происходит как в кино — когда вдруг собираются все жители и говорят: «Вот сейчас мы начнем бороться». Начинается все просто с того, что вам нельзя сидеть на скамейках в парке, потом держать деньги в своем банке, потом нужно носить звезду на одежде, потом всем переехать в один-единственный район, потом вокруг него строится стена, потом кого-то ку-

да-то выслают, в какие-то лагеря. И каждый раз люди — а у некоторых маленькие дети, а другие, пожилые, едва могут двигаться — говорят себе: «Ну хуже быть уже не может. Нам надо немного потерпеть — и все пройдет, потому что абсурд долго продолжаться не может». И только потом наступает время, когда те, у кого еще есть силы, могут начать организовываться и собирать оружие, чтобы хотя бы умереть достойно. Было шестьдесят тысяч таких людей.

— Почему павильонные съемки проходили именно на студии Бабельберг в Германии?

— Это сейчас крупнейшая студия в Европе, именно такая и требовалась. Предвоенной Варшавы больше нет, она была полностью стерта с лица земли, и нам пришлось восстанавливать улицы. Те, что вы видите в фильме, на 80–90 процентов сделаны в студии. Кроме того, я нуждался в настоящих немцах, чтобы те играли немцев. Они мне очень помогли. Они молодые, полны энтузиазма, очень интересуются этим периодом истории. У них нет чувства вины или проблемы поврежденного сознания. Такое ощущение, что новое немецкое поколение абсолютно свободно от этого. Похоже, немцы действительно поняли, как им обращаться со своим прошлым.

Роман Полянский любит героя своего фильма

— Вы третий раз в Москве. Кажется, два первых приезда тоже имели небанальные поводы...

— Да. Первый раз я приезжал в 80-х, когда собирался делать «Мастера и Маргариту» для «Уорнер Бразерс». У нас был хороший сценарий, но студия вдруг испугалась, что фильм окажется некоммерческим. Второй раз я был в начале 90-х как актер для съемок в американском фильме, название которого, к счастью, забыл (речь о боевике «Назад в СССР», в котором

вместе с Полянским сыграла модная тогда после «Маленькой Веры» Наталья Негода. — «Известия».

— Позволят ли вам получить сейчас «Оскар» вернуться в Америку (еще 70-е Полянского обвиняли там в соращении несовершеннолетней, и он спешно переехал во Францию)?

— «Оскар» совершенно не меняет моих проблем с Америкой, он не имеет к ним отношения.

Юрий ГЛАДИЛЬЩИК

Ирина ГЕРАСИМОВА, председатель ГРК «Маяк»: